

Говард Филлипс Лавкрафт

Анна Хелен Крофтс

Поэзия и боги

Сырым и сумрачным апрельским вечером, вскоре после окончания мировой войны, Марсия сидела одна в просторной, обставленной на современный лад гостиной. Странные мысли и мечты переполняли ее сознание, уносясь сквозь пелену городских туманов на восток, к оливковым рощам Аркадии, виденным ею лишь во снах. Некоторое время назад она с задумчиво-рассеянным видом вошла в комнату, погасила яркую люстру и пристроилась на уютном диване подле торшера, единственная лампа которого проливала на поверхность журнального столика мягкий зеленоватый свет, сравнимый с умиротворяющим светом луны на листве старых деревьев вокруг античного святилища. В черном вечернем платье с глубоким вырезом, внешне она представляла собой типичный продукт современной цивилизации, однако ее мысли в тот вечер витали вдали от окружающей прозаической обстановки. Был ли причиной тому странный дом, в котором она жила, — дом, исполненный душевного холода и напряженности, все обитатели которого были чужими друг другу? Или, быть может, дело было в некоем пространственно-временном смещении, вследствие чего она родилась слишком поздно, или слишком рано, или же слишком далеко от тех краев, где обитала ее душа, и по чистой случайности попала в эту пресную, лишенную красоты современность? Дабы развеять это настроение, с каждой минутой поглощавшее ее все более, Марсия взяла со столика журнал и полистала его в поисках стихов. Поэзия зачастую помогала ей восстановить душевное равновесие, хотя и в стихах встречалось много такого, что умаляло желаемый эффект. Даже самые возвышенные творения порой содержали отвратительно скучные, бесцветные строки, которые были как промозглый туман или как толстый слой пыли на оконном стекле, мешающий любоваться чудесной вечерней зарей.

Она вяло перелистывала журнальные страницы, словно отыскивая вечно ускользающий старинный клад без особой надежды его найти, и вдруг наткнулась на нечто, с первого же взгляда пробудившее в ней интерес. Автор как будто читал ее мысли, создавая мечтательные образы, на удивление схожие с теми, что рисовало ей воображение. Это был всего-навсего белый стих — довольно жалкая поэтическая потуга сочинителя, уже не удовлетворенного обычной прозой, но еще толком не овладевшего искусством создания волшебных сочетаний размера и ритма. Но в то же время здесь присутствовали отголоски музыки, подсознательно чувствуемой и проживаемой бардом, который отчаянно пытался на ощупь отыскать в окружавшей его серости будней признаки истинной красоты. В этих технически хромающих стихах Марсии почудилось биение сказочных крыльев и дикая, спонтанная гармония — та самая гармония, которой были лишены формальные, выверенные строки, попадавшиеся ей до сих пор. По мере чтения окружающая обстановка

постепенно исчезала, уступая место пурпурной, усеянной звездами дымке — пространству вне времен, где обитают лишь боги и мечтатели.

*Луна над Японией —
Это белокрылая бабочка
Среди статуй Будд с тяжелыми веками,
Внемлющих крику далекой кукушки...
Белые крылья луны-мотылька
Неслышно порхают над сонным городом
И взмахами гасят круглые лампы в девичьих руках.*

*Луна в тропиках —
Это белоснежный бутон,
Раскрывший свои лепестки в небесах,
Когда все исполнено ароматов,
Покоя и неги теплого юга...
И флейта вливается в музыку ночи
Под нежным бутоном луны, распустившимся в небе.*

*Луна над Китаем
Устало плывет по небесной реке,
И отблески света на листьях ив
Подобны стаям серебряных рыбок,
Играющих в темной воде;
Могильные плиты и храмы покрыты морщинами давних времен,
И облака слоятся в темном небе, как чешуя летящего дракона.*

Погруженная в дымку мечтаний, Марсия взывала к мерцающим звездам, приветствуя наступление новой счастливой эпохи и возвращение древнего бога Пана. Прикрыв глаза, она повторяла слова, безыскусная мелодия которых представлялась ей россыпью кристаллов на дне предрассветного ручья — пока еще едва заметных, но готовых вскоре засверкать, переливаясь всеми цветами в лучах взошедшего солнца.

*Луна над Японией —
Это белокрылая бабочка...*

*Луна в тропиках —
Это белоснежный бутон,
Раскрывший свои лепестки в небесах,
Когда все исполнено ароматов,
Покоя и неги теплого юга... покоя и неги теплого юга...*

*Луна над Китаем
Устало плывет по небесной реке... устало плывет...*

* * *

Затем из пурпурной дымки возник божественно красивый юноша в крылатом шлеме и сандалиях, с кадуцеем в руке. Он трижды взмахнул над лицом спящей магическим жезлом (который он некогда выменял у Аполлона на девятиструнную лиру) и покрыл ее голову венком из мицита и роз. Когда же Гермес заговорил, в его голосе слышалось искреннее восхищение:

— О нимфа, более прекрасная, чем златовласые сестры Кианы или небесные Атлантиды! О любимица Афродиты, благословленная Палладой! Ты сумела постичь тайну богов, заключенную в красоте и песне. О пророчица, что мудрее и краше Кумской сивиллы в ту пору, когда ее только узнал Аполлон! Ты права, приветствуя приход новой эпохи, ибо Пан уже вздыхает и потягивается перед пробуждением на горе Меналон, где его скоро вновь окружат крошечные фавны в венках из роз и древние сатиры. Ты догадалась о том, что неведомо смертным — исключая немногих, отвергнутых этим миром, — что боги никогда не умирали, а только спали и видели божественные сны среди неувядающих лотосов в саду Гесперид, лежащем за вечерней зарей. Ныне близится срок их пробуждения, что положит конец холодному безразличию и душевному уродству в этом мире, и Зевс снова займет свой олимпийский престол. Предвестием этому служат бурно вспенившиеся волны близ Пафоса, как это было в очень давние времена, а также обрывки мелодий и песен, слышимые по ночам на горе Геликон и смутно знакомые тамошним пастухам. Леса и долы в сумерках полнятся белыми призрачными фигурами, а древний Океан издает глубокие вздохи под светом молодого месяца. Боги терпеливы, и сон их был долг, но никакой человек, даже самый великий, не может пренебрегать богами. В глубинах Тартара корчатся титаны, а в недрах огненной Эtnы стонут дети Урана и Геи. Близится день, когда людям придется держать ответ за века неверия, однако во время сна боги подбредли и не намерены ввергать человечество в мрачную бездну, каковой удел обычно ждет отрицающих божественный промысел. Вместо этого кара богов обрушится на тьму, ложь и мерзость, что засорили людские души, и после того смертные вновь заживут в радости и красоте под владычеством бородатого Сатурна, прославляя его, как в прежние времена. Этой ночью ты узишь на Парнасе богов и те сны, что они веками посыпали на землю как напоминания о том, что они живы. Эти сны порой посещают поэтов, и в каждую эпоху кто-нибудь из них, сам того не сознавая, передает в своих стихах послание богов из волшебного сада, лежащего за вечерней зарей.

Завершив эту речь, Гермес поднял спящую девушку, и ласковые ветры с башни Эола понесли их высоко над волнами теплого моря, чтобы в конце пути опустить перед сном богов на двуглавом Парнасе — с Зевсом в центре, Аполлоном и музами по правую руку от его золотого престола, а Дионисом и резвящимися вакханками по левую. Никогда прежде — ни наяву, ни во сне — Марсия не видела такого великолепия, но оно ничуть не ослепило ее, ибо парнасский чертог Отца Богов был доступен взору смертных, в отличие от нестерпимо сияющих чертогов Олимпа. Перед увитым лаврами входом в Корикийский грот сидели в ряд шесть величавых фигур, с виду смертных, но лицами скорее подобных богам. Марсия узнала их по ранее виденным изображениям — то были великий Гомер, прославленный Данте, бессмертный Шекспир, познавший вселенский хаос Мильтон, всеобъемлющий Гёте и любимец муз Китс. Они-то и служили посланцами, через поэзию которых боги извещали человечество о том, что они не умерли, а всего лишь до времени погружены в сон. И вот Громовержец подал голос:

— Дочь моя — ибо ты воистину принадлежишь к моему бесчисленному потомству, — видишь ли ты этих благословенных посланцев на тронах из слоновой кости? Своими творениями они были призваны напомнить людям, что в их обыденном мире еще сохранились частицы божественной красоты. Многих других бардов люди заслуженно увенчали лаврами, но эти были увенчаны самим Аполлоном, и посему я допустил их сюда как немногих смертных, умевших изъясняться на языке богов. Долго длился наш сон в лотосовом саду за западным краем земли, и общаться мы могли только через сновидения, но уже скоро наши голоса зазвучат в полную силу. Настало время нашего пробуждения и великих перемен. Вновь Фаэтон опасно снижает путь солнечной колесницы, иссушая поля и потоки. В Галлии нимфы рыдают с распущенными волосами над высохшими источниками, а чахлые ручейки, некогда бывшие полноводными реками, окрасились кровью смертных. Только безумный Арес и его извечные спутники, Фобос и Деймос, ликуют, утоляя темную жажду убийства. Мать-Земля стонет от горя, а лица людей стали похожи на злобные лики эриний, как в те времена, когда Астрея покинула род людской и сами боги также погрязли в распрях, не затронувших лишь этот горный пик. И среди этого хаоса, уже готовясь объявиться, но пока не спеша привлекать к себе внимание, трудится наш последний посланец, чьи поэтические озарения включают все образы, прежде виденные другими посланцами. Он избран нами, чтобы свести воедино всю красоту, какую доселе знал мир, и выразить в словах всю мудрость и всю радость забытого людьми прошлого. Именно он должен возвестить миру о нашем возвращении и воспеть грядущие славные дни, когда фавны и дриады вновь населят знакомые им прекрасные рощи. В поисках и выборе посланца нам помогали те, кто сейчас восседает на тронах из слоновой кости перед Корикийским громом и в чьих песнях ты услышишь те самые возвышенные ноты, которые помогут тебе узнать посланца при его появлении. Внимай же их голосам, когда они по очереди будут петь для тебя. Каждую их ноту ты потом услышишь в поэзии того, кто должен прийти, — в поэзии, которая принесет умиротворение и радость твоей душе, пусть даже на поиски автора у тебя уйдут многие годы. Слушай очень внимательно, ибо каждый из этих звуков когда-нибудь снова достигнет твоих ушей, как воды Алфея, уйдя под землю в Элладе, потом соединились с хрустальными водами Аretусы в Сицилии.

По знаку Зевса со своего трона поднялся Гомер, старейший из бардов, и, взяв свою лиру, исполнил гимн Афродите. Марсия не знала греческого языка, однако послание не миновало ее слуха бесследно, ибо в его волшебном ритме было нечто, понятное всем смертным и богам и не нуждавшееся в переводе.

То же самое можно было сказать и о последовавших песнях Данте и Гёте, чьи неизвестные Марсии слова сопровождались легко понимаемой чудесной мелодией. После этого наконец зазвучал язык, знакомый слушательнице. То пел Лебедь Эйвона, бывший богом среди людей и оставшийся божественным в компании богов:

Пускай ваш сын, кого я так люблю,
Узнав о том, вернется с поля брани.
Всем сердцем я его благословлю,
Влачась по горестной стезе скитаний.

Еще более знакомыми оказались исполненные бессмертной гармонии строки Мильтона, ныне уже не слепого:

*Порой сижу у ночника
В старинной башне я, пока
Горит Медведица Большая,
И дух Платона возвращаю
В наш мир с заоблачных высот,
Где он с бессмертными живет.
Порой Трагедия в слезах
Мне повествует о делах
Детей Пелопса, и о Фивах,
И о троянках несчастливых.*

Последним прозвучал юный голос Китса, из всех посланцев наиболее близкого к миру фавнов с их чудесными песнопениями:

*Нам сладosten услышанный напев,
Но слаще тот, что недоступен слуху...*

* * *

*Когда других страданий полоса
Придет терзать другие поколенья,
Ты род людской не бросишь утешать,
Неся ему высокое ученье:
«Краса — где правда, правда — где краса!» —
Вот знанье все — и все, что надо знать.*

Едва этот бард закончил свою песнь, как священной горы достигло дуновение ветра из далекого Египта, где по ночам Аврора оплакивает над нильскими водами погибшего Мемнона. А вслед за ветром к ногам Громовержца припала сама богиня утренней зари, воскликнув:

— Господин, пришло время отпереть Врата Востока!

И тогда Феб, передав свою лиру Каллиопе — его любимице среди муз, отправился в сверкающий многоколонный дворец Солнца, где уже нетерпеливо били копытами кони, запряженные в златую колесницу дня. А Зевс сошел со своего резного трона и возложил руку на голову Марсии со словами:

— Дочь моя, близок рассветный час, и тебе нужно вернуться в свой дом до времени, когда просыпаются смертные. Не печалься из-за унылого однообразия твоей жизни, ибо покровы ложных верований скоро будут сорваны и боги вернутся в мир людей, не прекращай ни на миг поиски нашего посланца, и вместе с ним ты найдешь утешение и покой. Его слова направят твой путь к счастью, а в его чудесных снах твоя душа обретет все, чего она так долго и страстно желала.

Как только Зевс умолк, юный Гермес бережно поднял девушку и понес ее ввысь — к тающим в предрассветной мгле звездам — и далее на запад, над незримым океанским простором.

* * *

Много лет минуло с той ночи, когда Марсия во сне общалась с богами на Парнасе. И вот сейчас она сидит в той же просторной гостиной, но она уже не одинока. Былые смутные тревоги покинули ее, ибо рядом с ней находится юный поэт, чье имя уже прославлено повсюду и у чьих ног простерся восхищенный мир. Он читает вслух свою новую рукопись, слова которой, никем прежде не слышанные, вскоре станут достоянием всех и вернут людям мечты и фантазии, утраченные ими много веков назад — с той поры, когда малые божества вместе с Паном заснули в горах Аркадии, а великие боги погрузились в сон под сенью лотосов за краем земли, в саду Гесперид. В едва уловимых каденциях и подспудных мелодиях его стихов Марсия нашла наконец покой и утешение. В них звучало эхо божественных нот фракийца Орфея — тех самых нот, что заставляли плясать даже деревья и скалы на берегах полноводного Гебра.[27] Когда же певец умолкает и не без трепета спрашивает ее мнения, что еще может Марсия ему ответить, кроме: «Эти стихи достойны богов»?

И в тот же миг перед глазами ее встает видение парнасского сонма богов, а в ушах звучит отдаленный многоголосый хор:

— Его слова направят твой путь к счастью, а в его чудесных снах твоя душа обретет все, чего она так долго и страстно желала.

Перевод: Василий Дорогокупля

2010 год